

Если все удастся, что я получу? Белая душа по-прежнему сохраняла красоту прижизненных черт. Проведя в таком состоянии несколько десятилетий, она ни капли не утратила присущих человеку хладнокровия и самообладания.

Долгое время из темноты доносился лишь ледяной мужской голос, похожий на соблазняющий человеческие сердца кошмар. Он дал предельно соблазнительный ответ: — Все, что захочешь, без исключений.

В глазах и на брови Янь Мо наконец промелькнуло расслабление. Из-за этого редкого хорошего настроения даже его душа стала ярче во мраке.

Еще одна печать души на древнем пергаменте наконец прояснилась, после чего так называемый контракт сожгло яростное пламя, и он бесследно исчез во тьме.

В воздухе раздался ледяной детский мужской голос: — Сделка заключена, система оценки заданий привязана, перенос персонажа, прогресс: один процент, десять процентов... сто процентов, перенос завершен. Прошу вторую сторону подготовиться к пробуждению.

Ресницы спящего юноши слегка затрепетали, и в тот же миг он распахнул угольно-черные глаза. Яркий белый свет бил прямо в поверхность ледяного гроба, отражая ослепительный блеск. Очнувшийся человек инстинктивно протянул руку, чтобы заслониться от света, но из-за тесноты пространства его бледные, лишённые крови пальцы коснулись прозрачной крышки.

Сильный холод тут же хлынул от места соприкосновения. Лед, не таявший тысячелетиями, оставался холодным даже для того, кто пролежал внутри него все эти тысячелетия.

Без труда открыв ледяной гроб изнутри, мужчина в роскошных одеждах выбрался наружу, и длинный подол его одеяния бесшумно опустился на пол.

Когда Янь Мо вылез из гроба, его левая стопа как раз наступила на мягкий предмет, еще хранивший тепло. Это был спавший мертвецким сном мужчина в очках, с текущей изо рта слюной. Он даже не почувствовал, что на него наступили, лишь бормоннул что-то во сне, перевернулся на другой бок и продолжил спать.

Какое долгожданное сияние света и живая жизнь.

Янь Мо приложил пронизывающе холодную руку к казавшемуся совершенно безобидным лицу мужчины и с удовлетворением увидел, как тот продрог до пробуждения. Затем мужчина изобразил выражение лица, полностью соответствовавшее статусу этой оболочки, и с голосом, полным бдительности и аристократического высокомерия, спросил: — Ты кто такой? Почему я здесь оказался?!

— Призрак-а-а-а! — наконец окончательно протрезвевший директор музея испустил истошный

воплъ, после чего посмотрел, как проснувшаяся спящая красавица под его крики бессильно оседает вниз, и холодное тело рухнуло прямо на него.

Директор, дрожащий от холода всем телом, трепещущим пальцем проверил дыхание незнакомца, завернул его в толстое одеяло и с бешеной скоростью захлопнул дверь тайной комнаты. Непомнящий себя от страха, он бросился прочь. В эту секунду в его голове осталась лишь одна-единственная мысль: — Великий жрец, спасите скорее-е-е!

А красавец, которого грубо завернули в одеяние, в тот самый миг, когда мужчина захлопнул дверь, вновь распахнул глаза. Знания, усвоенные этим телом в прошлом, непрерывным потоком наводняли разум, но в них напрочь отсутствовали эмоции. Янь Мо отбросил одеяло в сторону и в этом хранилище сокровищ отыскал инкрустированное драгоценными камнями зеркало в полный рост.

Отражение в зеркале принадлежало ему в юношеские годы, но выглядело еще более нежным и утонченным, чем в его воспоминаниях. Длинный наряд на нем был выдержан в скромных и элегантных тонах, однако ткань и крой источали ауру роскоши.

— Целевая персона хозяина появится через час, начинается обратный отсчет до самоуничтожения искусственной системы, механизм погружается в спящий режим, хозяину следует проявить осторожность.

На этот раз Янь Мо действительно провалился в забыбье. Все-таки тело проспало несколько тысяч лет, и телесная оболочка с душой еще не до конца слились воедино, а сон — лучшее средство для объединения.

Пока Янь Мо старательно срастался со своим новым телом, низкорослый директор вбежал во дворец правителя, спотыкаясь и хромя, и помчался к своему глубоко уважаемому главному советнику, он же великий жрец.

Стоит признать, что день, выбранный Янь Мо для пробуждения, действительно выдался на славу: одиннадцатое число первого месяца одиннадцатого года эры Ханьцзя, то есть столетний юбилей Кельтра Саги — восьмьсот тридцать четвертого правителя империи Дунъя, что являлось грандиозным праздником для всего имперского народа. В такой момент влиятельный великий жрец, несмотря на крайнюю занятость, все же выкроил немного времени, чтобы посетить это императорское празднество.

Поэтому, когда запыхавшийся директор вбежал туда, великий жрец в полном одиночестве сидел в углу. Вокруг него толпились облаченные в роскошные парадные наряды мужчины и женщины, среди которых немало было молодых и привлекательных, но никто не смел приблизиться и заговорить с этим господином. И когда лишенный чуткости и не любящий светских бесед директор Императорского музея Луи Сулд ворвался туда, словно безумец, эти изнеженные аристократы невольно выразили крайнее изумление.

Тем не менее бедный директор полностью проигнорировал их присутствие, спотыкаясь

промчался вперед и оказался перед Рафаэлем — весь в поту, тяжело дыша и с крайне взволнованным видом. Стоявший неподалеку слуга тут же протянул ему платок. Директор Луи невпопад вытер пот, силясь как можно быстрее унять вздымающуюся грудь, но всё равно не мог скрыть крайнего волнения: — Господин Рафаэль, прошу вас, пойдёте со мной скорее. Только что тот человек, что лежал там... он проснулся.

По привычке заносчивые аристократы молча уступили им широкую дорогу. И лишь когда то самое белое видение скрылось из виду на долгое время, эти благородные вельможи вновь возобновили беседу.

Красивая молодая женщина легонько постучала веером по своей спутнице — дочери герцога, и, понизив голос, с любопытством спросила: — Ты знаешь, по какому делу ушел этот господин? Раз он вот так просто удалился, ЕГО Величество, должно быть, рассердится.

Та женщина торопливо зажала ей рот и оттащила в укромный угол. Злобно уставившись на свою глупую подругу, она постаралась как можно тише прошептать с гневом: — У тебя мозги водой залиты, что ли? Дела этого господина — разве тебе позволено их обсуждать? неужели ты забыла, как пару десятков лет назад погибла та фаворитка? Что до Его Величества... этот господин не похож на нас, даже если он не придет, Его Величество не станет гневаться.

Видя, что подруга по-прежнему сохраняет наивное и растерянное выражение лица, женщина постарше принялась в подробностях пересказывать ей то, что произошло несколько десятилетий назад.

Из-за той женщины предыдущий правитель до самой смерти носил лишь титул короля и, задолго до истечения отмеченного ему долгого срока, был свергнут нынешним монархом, скончавшись прямо в объятиях праздности.

После смерти тогдашнего короля та женщина немедленно сделалась желанной гостьей для нескольких удельных князей, причем поговаривали, что она крутила с ними мутные интрижки еще до того, как тот испустил дух. Ослепительная красавица искусно лавировала среди надменных аристократов и все же продолжала пользоваться безумной любовью каждого из своих любовников.

Наш мудрый император, разумеется, не поддался ее чарам. Не в силах выносить существование столь легкомысленной особы, позорящей императорский дом, он отыскал одну из связей этой женщины с неким князем и пришил ей тягчайшее обвинение в государственной измене, попутно приговорив к наказанию. Тогда многие аристократы выступили вперед, умоляя о пощаде, но наш правитель до конца оставался тверд в своем решении покончить с этой девицей.

— И эта женщина просто так умерла? Что в этом легендарного, в истории полно таких женщин, какое отношение она имеет к тому господину? — молодая девица презрительно скривила губы, явно оставшись недовольна.

— Ты дослушай сначала. Когда ту фаворитку заперли, одна за другой приходили шайки, желавшие вызволить ее из темницы. Не будь тюремщики, охранявшие ее, бездушными искусственными людьми, они бы, пожалуй, насмерть бились, но выпустили ее. В день казни тот, кто отдал приказ, так и не смог разжать уста, и даже наблюдавший за казнью император Сага сжалился, пообещав ей шанс на выживание, если она сумеет растопить сердце палача, назначенного на завтра. Ради этого Его Величество даже пообещал другой стороне, что завтрашним палачом станет самый обычный мужчина из плоти и крови. Но в конце концов та фаворитка все равно умерла, причем ее предали жесточайшей казни. Знаешь почему?

— Ты хочешь сказать, что на следующий день палачом стал этот господин?! — девушка прикрыла рот ладонью, заглушая испуганный вскрик.

— Похоже, ты не так уж глупа. Тогда говорили, что тот господин лично приложил руку: эта прекрасная голова покатилась с эшафота, не желая закрывать глаза в предсмертной муке, но ни единой капли крови не упало на одежды главного советника. Отец рассказывал, что в тот самый миг голова обратилась в пепел прямо у ног этого господина, и кроме лужи алой крови не осталось ничего.

Девушка состроила предельно испуганное выражение лица.

— Ты думаешь, твоя красота и коварство способны превзойти ту фаворитку прошлых лет? — женщина постарше тяжело вздохнула. — Я лишь хотела сказать тебе, что можешь любить ЕГО Величество, но сметь влюбляться в этого господина нельзя. Можешь в двух словах посудачить о правителе, но категорически запрещено обсуждать всё, что связано с тем господином. Если не хочешь превратиться в удобрение для того дерева перед парадным входом, запомни раз и навсегда: держи свой язык за зубами. У великого жреца как жреца сердце попросту отсутствует.

Поскольку сердца у него не было, он не мог полюбить никого на свете.

<http://bllate.org/book/25402/3028366>